

*Разные судьбы,
одна история*

This book was published as part of the Experiential Learning Practicum offered by the Russian Studies Program at Brandeis University in partnership with the Brandeis-Genesis Institute for Russian Jewry. The publication is supported by the Adam and Matan Adelson Multigenerational Program at Hebrew Rehabilitation Center in Roslindale, MA, and a grant from the Genesis Philanthropy Group.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 4

От студентов-участников проекта 5

Иосиф Наумович Богуславский 8

Мира Борисовна Крупкина 20

Наум Григорьевич Хают..... 28

Раиса Самойловна Чигринская 34

Зоя Григорьевна Офенгейм 46

В осеннем семестре 2015 года группа студентов из университета имени Луиса Брендайза приняла участие в проекте «Разные судьбы, одна история», который был организован на базе реабилитационного центра для престарелых Hebrew Rehabilitation Center в городе Розлиндейл, штат Массачусетс. Этот проект является составляющей частью специального курса-практикума, которым руководит Ирина Евгеньевна Дубинина, директор программы русского языка, и проходит уже в пятый раз. Курс-практикум строится на принципах эвристического обучения, когда студенты соединяют знания, полученные в классной комнате, с объективно существующими жизненными ситуациями путем непосредственного участия в этих ситуациях с последующим рефлексивным анализом собственного опыта. В течение всего семестра студенты, выросшие в русскоязычных семьях в США, проходили языковой практикум, беседуя с пожилыми эмигрантами из бывшего СССР, живущими в реабилитационном центре, об их жизни. Устные истории затем обсуждались с преподавателем, которая помогала студентам понять исторический и культурный контекст некоторых событий, анализировались

и записывались. В этот сборник вошли пять историй жизни, собранных студентами осенью 2015-ого года.

В проекте принимали участие следующие студенты: Шахзода Насими, Ян Шнейдерман, Идель Вайнберг, Давид Эйдус и Алена Гомулина. Истории жизни, которые они записали, включают в себя рассказы о предвоенном детстве, о войне и эвакуации, о жизни на оккупированной территории, о голоде во время и после войны, о возвращении на разрушенную родину после победы, о жизненных радостях и трудностях, о рождении детей и внуков, об антисемитизме и дружбе людей разных национальностей, о любви к своей профессии и об эмиграции. Основной темой во всех рассказах является война, и многие из интервьюированных делят свою жизнь на два периода — до и после войны. Для студентов собранные устные истории послужили иллюстрациями к тому, что они изучали в школе, и часто уроками нового, о чем они просто не знали раньше. Мы благодарны всем участникам проекта и надеемся, что данный сборник послужит подтверждением мысли Евгения Евтушенко о том, что «людей неинтересных в мире нет».

~

От студентов-участников проекта «Разные судьбы, одна история»

В осеннем семестре 2015-ого года нам представилась уникальная и ценная возможность совершенствовать свои языковые навыки, одновременно узнавая много нового о поколении русскоговорящих людей, которые пережили Великую Отечественную войну, перенесли трудности эвакуации и послевоенной разрухи, жили в советское время и уже в пожилом возрасте эмигрировали в США. Каждую неделю мы приезжали в реабилитационный центр Hebrew Rehabilitation Center (HRC) в городе Розлиндейл, штат Массачусетс, и беседовали с пожилыми резидентами центра. Мы надеемся, что истории жизни в этом сборнике помогут молодым людям университетского возраста лучше понять старших и сократят расстояние, существующее между нашими поколениями.

Ян Шнейдерман

«Раиса Самойловна послужила для меня примером того, насколько необходимо уважение. Неотъемлемым качеством порядочного человека является уважение к другим, но и уважение к самому себе так же важно. Нужно уметь жить так, чтобы потом не было стыдно: пусть это звучит пафосно, но в ходе моих бесед с Раисой Самойловной, я понял, что это очень важно».

Идель Вайнберг

«Мое участие в проекте «Устные истории» в Центре реабилитации престарелых (Hebrew Rehabilitation Center) дало мне возможность получить богатый и интересный опыт общения с «живой» историей. Слушая истории старшего поколения, я могла провести параллели с историей моей семьи и лучше понять историю моих дедушек и бабушек. Этот проект помог сузить пространство между моим и старшими поколениями русскоязычных эмигрантов в США».

Давид Эйдус

«Этот проект был очень важен для меня по нескольким причинам. Во-первых, у меня была возможность познакомиться с историей человека, которая очень похожа на историю моей семьи, начиная с дореволюционных времен. Во-вторых, я теперь лучше понимаю решение моих родителей эмигрировать из СССР. Как бы я хотел, чтобы мои прабабушки и прадедушки уехали до начала трагических событий XX века в России! Я теперь гораздо больше разбираюсь в сложных личных отношениях между людьми, проходящими трудный процесс эмиграции. Я лично чувствую и радость, и боль тех, кто недавно переселился в новую страну».

Шахзода Насими

«Навык, приобретенный во время встречи с человеком, прожившим трудную жизнь и преодолевшим невыносимые трудности, невозможно принять с легкой душой. Мне выпала честь записать историю жизни женщины, которая пережила страшные трагедии в жизни. Наши беседы помогли мне сблизиться не только с ней, но и с ее семьей. Беседуя с Мирой, я представляла себе своих предков, которых я, к сожалению, никогда не знала. Участие в проекте оставило большой след в моей душе и зажгло желание сохранять память о наших предках навсегда».

Алена Гомулина

«Устная история поддерживает культуры по всему миру. Многие истории были потеряны, забыты детали и переписаны факты, о которых мы уже не помним. Записывать историю прожитой жизни, потерянной любви или интересного жизненного происшествия — привилегия и честь. Проект позволил мне взглянуть на мои собственные привилегии как в зеркало: мне, например, никогда не придется увидеть свой родной город стертым с лица земли. Изучение еврейской жизни и страданий по книгам намного отличается от изучения истории, у которой есть лицо. Я благодарна Науму за то, что он поделился со мной своими воспоминаниями».

Иосиф Наумович Богуславский

Записано Идель Вайнберг

Детство

Иосиф родился в 1930 году в Ленинграде в семье военного инженера и учительницы музыки. Он был единственным ребенком; по его словам «в то время было модно иметь одного ребенка». Иосиф был назван в честь отца своей мамы, дедушки Иосифа.

Иосиф не знал своих дедушек и бабушек, кроме дедушки со стороны отца. У родителей матери Иосифа была трагичная история: «Они жили в провинциальном городе, и мой дедушка был очень из-

вестный человек, купец. Город Винница, где они жили, маленький городок, переходил из рук в руки: то белые, то красные. Когда город захватили белые, они взяли моего дедушку в качестве заложника. Его расстреляли, и моя бабушка, которая его любила безумно, покончила с собой. Я видел мою бабушку только на фотографиях. Такая дородная дама, с ожерельями...»

Родители Иосифа были родом из Украины: мама родилась в Виннице, а папа — в городе Лубны (ныне Полтавская область Украины). В семье отца было 8 сыновей и одна сестра; все мужчины были шляпочниками и, по словам Иосифа, они были «типичными местечковыми евреями». Иосиф знает, что один из братьев отца уехал в Америку в 1912 году и жил какое-то время в Нью-Йорке. Иосиф даже имел списки пассажиров с корабля, прибывшего в Нью-Йорк в том году, и видел там имя своего дяди. Однако, через год Хонан опять оказался в списке пассажиров уже другого корабля. Иосиф говорит, что дядя переехал в Лондон, потому что познакомился с красивой девушкой и ради

нее уехал из Америки. Там его следы теряются.

Наум, отец Иосифа, решил учиться на инженера вместо того, чтобы быть

Иосиф, 1938 год

шляпочником, и поступил в Ленинградский политехнический институт. К тому времени, он уже познакомился со своей будущей женой — Диной Иосифовной, и они вместе переехали в Ленинград.

Иосиф, 1948 год

Из всего детства Иосиф больше всего запомнил, как его мама заставляла его учиться играть на скрипке. Он ходил в музыкальную школу с нотной папкой на веревочках и очень стеснялся перед друзьями, что мама заставляла его ездить куда-то далеко. Всего он играл на скрипке года четыре. Еще в воспоминания о детстве входят разные политические события того времени: «Время было тяжелое, но я помню в 1936 году, когда мне было шесть лет, меня повели на самый главный праздник страны, на день выборов, и я ребенком помню это помещение. Мама и папа привели меня на выборы, надо было выбирать депутатов, не знаю, куда. А когда я стал постарше, я помню, когда убили Кирова».

Когда началась Великая Отечественная война, Иосифу было 11 лет. Он

¹ До Октябрьской революции и после 1992 этого завод называется «Обуховский».

вспоминает, что узнал о начале войны по радио: «Я был в Ленинграде, и по радио Молотов сообщил, что война началась. Мне было 11 лет, и я уже понимал, что такое война». Отец Иосифа не был на фронте. Он был инженером и всю войну работал на военном заводе «Большевик»¹, выпускающем тяжелую артиллерию.

Иосифа с мамой эвакуировали из Ленинграда еще в начале войны, как тогда думали, в глубокий тыл, в Сталинград. Отец оставался в Ленинграде с заводом. Иосиф рассказывает, что их эвакуировали по Мариинской водной системе², которая соединяет бассейн Волги с Балтийским морем: «Нас погрузили на специальную баржу и отправили в Сталинград». В июле 1941 года отец с частью оборудования и в группе с другими инженерами и рабочими был направлен в Сталинград на военный завод. «Потом выяснилось, что Сталинград — неглубокий тыл. Мне довелось оказаться в очень страшной военной ситуации в Сталинграде. Там были страшные бомбежки, налеты фашистской авиации. Меня однажды спас сослуживец моего отца,

² Строительство системы протяженностью свыше 1125 км проходило в царствование Павла I и его сына Александра I. Реконструированная в 1959—1964 годах система получила название Волго-Балтийский водный путь им. В.И. Ленина.

который увидел меня на улице. Началась бомбежка, он взял меня за шкурку и бросил в траншею, чтобы спрятать от бомбы. Я поэтому могу с вами сегодня разговаривать. Я мог погибнуть под бомбами. Мы прятались в бомбоубежищах, пока нас не вывезли в Сибирь. Это был сорок первый год. Я хорошо помню это время».

Очевидно, в Сталинграде Иосиф провел около года, но, по его словам, жили они там недолго. Всю семью эвакуировали на этот раз в глубокий тыл: отец эвакуировался вместе с заводом и догнал жену и сына по дороге в Сибирь. Иосиф вспоминает: «Мы оказались в местечке Юрга за Новосибирском. Это маленькое, заброшенное в снегах поселение. Но там был военный завод. Мы там жили целый год. Отец работал, а я учился в школе, ходил в сибирскую школу. Моя мама старалась, чтобы я не отстал. Потом начались победы Советской Армии, и отца перевели в Москву, и мы за ним поехали в Москву. Целый год жили в Москве, он работал на заводе, а я учился в седьмом классе».

Иосиф вспоминает такую интересную

встречу во время войны: «... был очень популярен эмигрант из Польши, Вольф Мессинг. Он бежал от немцев в Россию. У него были фантастические мозги. Он мог предсказать очень много важного. Его судьба занесла в Юргу. Он давал там представления. Он брал реципиента за руку, держал его за пульс и узнавал мысли. Сослуживец отца написал тогда свои вопросы на бумаге, и Мессинг угадал, что было написано на бумаге. Я подтверждаю, что он отгадывал».

Когда закончилась война, Иосифу было пятнадцать лет. Он говорит, что плохо тогда понимал всю тяжесть того, что происходило после войны, потому что был совсем юным парнишкой. Он вернулся в Ленинград сразу, как только была снята блокада, и пошел в школу в восьмой класс: «Тогда были мужские и женские школы. Перед началом уроков каждый день вся школа выстраивалась на набережной. Моя школа размещалась на набережной Фонтанки. И мы под оркестр маршировали. Это называлось военная подготовка. И только потом начинались уроки».

Образование

Иосиф считает себя «гуманитарно ориентированным человеком», но после школы решил попытаться поступить в университет на юридический факультет: «Я поступил, хотя были квоты для евреев и евреек. Мальчики-евреи должны были набрать столько-то оценок, а девочкам-еврейкам нужно было набрать

Иосиф, его жена и их сокурсники, 1953

еще больше. Я выдержал вступительные экзамены хорошо, и моя будущая жена справилась с девичьей квотой и тоже поступила. И там мы встретились».

На вопрос, почему он выбрал та-

кую профессию себе, Иосиф отвечает: «Из-за романтики. Начитался о Шерлоке Холмсе. Я учился на отлично, и у меня был диплом с отличием. Но уже в процессе обучения я понял, что ничего хорошего мне, еврейскому парню, в профессии юриста не светит. Надо думать о чем-нибудь посерьезнее. Я еще не закончил университет, но начал думать о техническом образовании». Как только Иосиф закончил юрфак, он поступил заочно в Ленинградский филиал Московского полиграфического института. Иосиф подрабатывал юристом и «долбил» технические предметы, потом перешел на работу в типографию, став техническим работником. Из типографии Иосиф перешел в Проектный полиграфический институт, где работал сначала инженером, потом старшим инженером, потом стал руководителем группы.

Иосиф рассказывает, что в университете у него было очень много друзей, которые остались до сих пор, хотя многих уже нет. Кто еще жив не забывают друг друга: «Мой школьный приятель, с которым я сидел за одной партой, вчера мне звонил из Ленинграда».

Любовь и брак

Иосиф женился по окончании юрфака университета в 1952 году, в 22 года. Вот как он рассказывает о том, как они с женой познакомились: «Я ехал на занятия по Невскому проспекту в трамвае. А на площадке этого трамвая в первом вагоне я увидел молодую девушку. Это была моя будущая жена. Мы учились на одном курсе. Мы продолжили наше знакомство вплоть до замужества».

Жену Иосифа звали Мария Борисовна. Она родилась в Полтаве в 1929 году и была на «целый год» старше его. Еще в детстве она с родителями переехала в Ленинград. Иосиф вспоминает, что она была очень красивой и очень способной: «Я привел ее домой знакомиться с родителями. Родители отнеслись к ней тепло и хорошо. Моя жена всю жизнь тоже уважала моих родителей. Ее родители были ортодоксальные евреи, и для них

было важно, что их дочь вышла замуж не за русского, а за еврея. Мой тесть гордился тем, что я еврейский мальчик, а могло быть не так...»

Иосиф и Мария отмечали свадьбу дома и очень скромно, ведь это был 1952 год: «Нельзя было все организовывать пышно, да и возможностей не было. Отметили в своей квартире, соседи помогли. На свадьбе была только моя семья и самые близкие приятели. Все прошло скромно, повеселились, потанцевали и разошлись. Сегодня это звучит смешно. Родители подарили кольца. Мы сами студенты не могли этого сделать. Свадьба была зимой, ей было холодно. Было не до веселья платяев. Больше всего запомнился мой приятель с университета, который начал ухаживать за моей двоюродной сестрой на свадьбе, хотя ничего из этого не вышло».

Иосиф с матерью 1950

К моменту свадьбы Иосиф и Мария были знакомы уже 5 лет, с университета: «Это было логическим продолжением нашей дружбы-любви». Иосиф рассказывает, что в то время евреи не могли организовывать никаких религиозных церемоний. Его тесть был верующим человеком, и он привел Иосифа в единственную синагогу в Ленинграде и представил своим «коллегам» будущего зятя. На этом знакомство Иосифа с религиозной еврейской общественностью закончилось.

В 1952 году у Иосифа и Марии родилась дочка Таня. Она стала хорошим, успешным доктором. Иосиф говорит, что дочка все всегда делала хорошо, и в садике, и в школе училась хорошо. Поскольку евреев практически не принима-

Иосиф с женой и дочерью, 1962

ли в медицинский институт, ей пришлось поступить в другой. Она работала в скорой помощи. У Тани есть сын Евгений, который сейчас тоже живет в Бостоне. Ему 32. Он окончил Университет Тафтса и работает инженером-проектировщиком, проектирует здания. Жень женат, и у него есть ребенок. Правнучке Иосифа Майе два с половиной года. «Надеюсь, еще годик — другой, и мы будем с ней распевать американские песни», — говорит Иосиф.

Самым счастливым моментом в жизни Иосиф считает переезд в США: «Вы понимаете состояние освобождения, которое мы ощутили в самолете из Вены в Рим, а потом в США! Это было счастливое время!»

Думать об эмиграции Иосиф начал рано, но «созрел» довольно поздно.

Иосиф в Израиле

Поводом послужила тяжелая антисемитская атмосфера в стране. Вот как Иосиф рассказывает об эмиграции: «Я не видел ничего перспективного для себя. Для внука я видел в будущем Советскую Армию. А там кошмар. Этого было достаточно, чтобы двинуться в путь. Мы уехали в 1990 году. Надо было ждать, но мы дождались. Надо было свою квартиру привести в порядок, отремонтировать. Сначала надо было обязательно поехать в Италию. А в Италии был очень тяжелый период. Нам пришлось там прожить несколько месяцев. Там было голодно и холодно. Дочка, зять, внук, я с женой. Мы с самого начала решили, что это будет Америка, настаивали на Америке. Приехав в Вену, мы сказали, что поедem в Америку, чем вызвали недовольство представительства Израиля». В Италии

было долгое ожидание разрешения на въезд в США. Иосиф вспоминает, что денег было мало и что какие-то мелочи, которые они взяли с собой в эмиграцию, они обменивали или продавали, но этого было недостаточно.

«Интересы Израиля в Москве тогда консульство Бельгии представляло. Надо было ехать в Москву, оформить бумаги и ждать. Мы ждали месяца 4—5. Потом сказали, чтобы мы сдали квартиру и оплатили все. Я уехал с чувством освобождения. Почувствовал спокойствие и удовлетворение. В России какие-то родственники остались, но не самые близкие. В эмиграцию я взял несколько книжек. Разрешали минимум вещей. Я успел переправить по почте большую часть своей библиотеки. А когда приехал в Америку, мои книги меня встретили здесь, у друзей моих детей. У них был дом и чердак, где можно хранить книги. У нас в Бостоне было доверенное лицо, которое за нас поручалось. А это были наши друзья и их дети. Поэтому мы и приехали в Бостон».

На вопрос, было ли что-либо, что грустно было оставлять в Советском Союзе, Иосиф отвечает: «Ничего не тя-

Иосиф с дочерью и зятем, США, 1999

желю было оставлять. Тяжелым кажется будущее, а то, что на старом месте, бог с ним. Меня не трогают березки, советские песенки...»

Иосиф говорит, что много знал об Америке еще до эмиграции: «Я был начитанный. Пока жива была моя мама, а она скончалась незадолго до нашего отъезда, она каждый месяц покупала журнал «Америка». Надо было переплачивать продавщице в киоске, чтобы она оставляла этот журнал, и мы покупали его по двойной цене. Но поэтому имели представление, что это за страна. Также мы получали письма. Мы знали, что это процветающая страна, в которой надо трудиться, чтобы добиться результатов. Мы были готовы к этому».

На вопрос о том, что больше всего

удивило в Америке, Иосиф отвечает: «Магазины! На фоне советских унылых, пустых магазинов американские магазины потрясали. Потом многое другое. Не все здесь замечательно. Есть вещи и сложные, тяжелые...» Однако, практически все, что Иосиф увидел в США, совпало с его представлениями об Америке до отъезда из СССР. Он считает, что если бы он не переехал в США, то его жизнь закончилась бы 15-20 лет назад: «Я бы не перенес неприятности с медициной, с ампутацией».

Иосиф владеет английским языком пассивно, т.е. может читать со словарем, хотя в школе учил немецкий, но благодаря маме, у него был частный репетитор, который смог дать базовые знания языка. Удивительно, что при этом Иосиф переводил тексты, в основном биографии известных людей, для русских эмигрантов. Он печатал их в самой популярной газете для русских эмигрантов «Новое русское слово». Иосиф опубликовал немало статей в русской прессе, в которых он объяснял американскую ситуацию, рассказывал о знаменитых людях Америки. В итоге, он выпустил книгу

под названием «Американский успех» о самых успешных деятелях науки и культуры.

Иосиф говорит: «Я всегда тянулся к перу и бумаге, хотя был инженером. А здесь уже было поздно работать, и я нашел себя на этой стези. Я сумел перестроиться, нашел в себе какие-то способности излагать мысли здраво и интересно... Я выступал перед русскоязычной аудиторией. Начал писать в Америке года через три после эмиграции. В СССР я очень увлекся творчеством Высоцкого и еще тогда немного писал о нем. Я выступал на вечерах. У меня были магнитофонные записи его песен, и я комментировал их».

Иосиф рассказывает: «В России все, что связано с культурой, всегда было под контролем, то партии, то правительства.

Я не мог читать то, что я хотел. Я должен был получать разрешение. Я шел в библиотеку, если мне по работе нужен был западный журнал. Я должен был получить письменное разрешение на работе, чтобы его взять почитать. Представьте, как можно было жить в такой стране и не бежать, спасти своего внука от армии?! Я всем доволен в США. Я не копаюсь в мелочах. А в России ни по чему не скучаю».

«Самое трудное время было в Советском Союзе, до того как мы уехали. Было тяжело по разным причинам. Я работал, меня не назначали долго на руководящую работу. Я испытал дискомфорт. Последние годы были тяжелыми. Пережили мы эти годы потому, что мы уже надеялись на отъезд, мы подали документы и ждали. Это было время ожидания».

Самым важным историческим событием Иосиф считает начало перестройки: «Тогда появились какие-то контакты с Европой и Америкой. Это как-то сглаживало ситуацию. Я лично отношусь к Горбачеву не положительно. Я считаю, что он делал все по принуждению. Он

разрешил уехать под сильным давлением Рейгана. Нам уехать помог Рейган, а не Горбачев».

Иосиф говорит, что ничем особенно не гордится, хотя когда был здоров и помоложе, «кое-что сделал для еврейской эмиграции здесь». Он работал в синагоге в городе Молден, которая занималась приемом евреев из России, и помогал им освоиться на новом месте.

На вопрос о том, что он считает самым главным в своей жизни, Иосиф отвечает: «Главное в жизни — я нашел прекрасную жену. Она меня не оставляет, она разделяла мои поиски, творческие порывы. У меня дочка очень хорошая и внук Женя очень хороший. С высоты моего возраста, с 89 лет, мне важна моя семья, ее здоровье. У меня появилась правнучка Майя. Ей 2,5 года. Я думаю, как она станет взрослой девочкой? К сожалению, с ней не говорят по-русски, но что-то она поймет, когда станет старше».

Иосиф до сих пор следит за новостями из России. У него есть iPod, и он слушает «Радио Свобода». Что Иосиф думает о своей бывшей стране сейчас? «Я ду-

маю, что сегодня Россия — это одно из самых ужасных мест на земле, потому что к власти пришли силовики. Сейчас в России, я думаю, все идет по худшему сценарию. Россия хочет доказать миру, что она такая же великая страна, как США. А где доказательства? Я их не вижу. Говорят: «Сила есть, ума не надо». А теперь говорят так: «Путин есть, ума не надо». Господин Путин — худший вариант силовика. А русский народ голосует «за» 95%. История ничему не учит. Понятно, что он вышел из этого круга, и он себя окружает такими людьми, сотрудниками КГБ. А публике нравится — мол, сильная личность, Россия поднимается с колен. Пусть поднимается, но без нас».

А как насчет социализма и капитализма? «Я думаю, что социализм — это провальная теория. Она не оправдалась ни в одной стране мира. Капитализм — это самая надежная экономическая система, но в ней есть свои недочеты. Когда побеждает позитив, когда с недочетами справляются, то все выходит очень хорошо. Что плохого в экономическом строе, капитализме, США? В прин-

ципе, ошибки бывают всюду, но главный тезис — человек свободен, может совершать поступки, которые он хочет — это же отлично. Это база».

На вопрос, кого он считает героем, Иосиф отвечает так: «В молодости нам предписывали героев, но ни я, ни мои единомышленники их героями не считали. Был такой писатель, Николай Островский, прикованный к постели больной человек. Очень слабые вещи написал. Нас заставляли его читать, считать героем, но я его героем не считаю. Я считаю Хемингуэя героем. Не было ни одного интеллигентного дома в России, где бы не висел портрет Хемингуэя. Он своеобразная личность».

Иосиф очень любит русскую литературу. Одним из его любимых авторов на сегодня является Набоков, потому что «он необычайно талантлив, у него есть и проза, и стихи». А на втором месте из русских писателей стоит у Иосифа Куприн. На втором месте по интересам у Иосифа балет. В кинематографе он любит старых режиссеров — Григория Чухрая и его ровесников, которые делали «честные фильмы о войне», и очень

Иосиф и Идель, 2015

ценит Андрей Тарковского.

Русская культура для Иосифа очень важна. Он ценит русскую литературу, театр и кино. Знать русскую культуру, по мнению Иосифа, — это смотреть фильмы великих русских режиссеров, таких как Алексей Герман или Григорий Чухрай. Иосиф расстраивается, что внук уже говорит по-русски с большим акцентом, и что его правнучка не будет иметь никакого понятия о том, что такое русский язык. Ведь и невестка, и внук Женя говорят между собой только на английском.

~

Мира Борисовна Крупкина

Записано Шахзодой Насими

Слезы воспоминаний наполняли глаза Мира, когда она рассказывала о себе, ведь в ее жизни было много боли, много трудностей и потерь.

Детство

Вот так Мира рассказывает о своей семье: «Я родилась в августе 1928 года, в замечательном городе Одесса. Моя семья состояла из четырех человек, включая маму, папу, младшего брата и, конечно, саму меня. Брат родился 15 января 1932 года. Наши родители закончили гимназию и были образованными людьми, и поэтому

хорошо воспитывали нас, своих детей, и дали лучшее на то время образование. Мы росли в интеллигентной семье. Наши родители владели несколькими иностранными языками: английским, французским и немецким, но с нами они разговаривали только на русском языке, хотя сами родители иногда разговаривали на немецком между собой». Мира говорит, что по происхождению, она наполовину «русская» и наполовину еврейка: «Папа мой был евреем, а мама украинка», но родители не говорили между собой или с детьми на идише, и поэтому Мира не знает этого языка.

Маму Мира звали Гитя, она родилась в Галиции, закончила там гимназию и потом училась на медицинских курсах (неизвестно, где). До войны мама была домохозяйкой, растила и воспитывала детей. Папу звали Борис Рудманов, он родился и вырос в Житомире, потом учился в Институте права (неизвестно, где) и до войны работал директором фабрики. Родители переехали в Одессу после Октябрьской революции, потому что там жили родственники. Мира с большой любовью говорит о своем

городе: «Одесса — потрясающий город. Весь зеленый, на море. Будучи детьми в счастливой, полноценной семье, мы с братишкой Сашей прыгали, плавали и бегали у Черного моря. На лето мама отправляла нас в Херсон к тете. Жизнь до войны была прекрасной и беззаботной».

Бабушек и дедушек Мира не помнит, но знает, что у отца был брат-писатель, и что его расстреляли петлюровцы в Гражданскую войну.

Мира пошла в школу в 6 лет. Ей очень нравилось учиться, она всегда была отличницей и всегда знала, что станет врачом. Через шесть лет ее планы прервала война.

Великая Отечественная война

Великая Отечественная война началась, когда Мира было 12 лет: «Война, которая унесла за собой миллионы живых душ... К большому сожалению,

Мира, Чехия, 1945

война затронула и нашу семью. Во время войны погибли мои родители и брат, а в наш дом попала немецкая бомба, и он превратился в пепел».

Вот как Мира рассказывает о начале войны: «Я играла с друзьями на улице, как вдруг заговорило радио. Радио было повешено на высоком столбе на улице, и когда люди слышали, что по радио передаются какие-то новости, все собирались и тихо слушали. Но в этот раз новости были ужасными. Самое первое, что было сказано: «Внимание, внимание, говорит Москва!»... Эти слова напусти-

Мира с боевыми подругами, Чехия, 1945

ли на людей страх. Наступила тишина, все впали в ужас, и вот началась война. В то время, я была достаточно взрослой девочкой, чтобы по-

нимать, что происходило. Я испугалась.»

Мира называет себя «дочкой войны», она не любит рассказывать о своем детстве, потому что оно было слишком тяжелым. В 12 лет она осталась круглой сиротой и дальше жила свою жизнь самостоятельно. В своих рассказах она сбивается, путается в хронологической последовательности событий, и от этого ее рассказ становится еще более страшным. Мира утверждает, что рассказывает эту историю в первый раз. Мы записали ее рассказ таким, какой он есть.

«Есть страшные вещи, которые даже в более старшем возрасте трудно пережить. Немцы забирали всех, не щадили никого, ни малого, ни взрослого... Как и всех других, нас с мамой и братом тоже забрали. Мама договорилась с одним немцем, или скорее всего, румыном, так как она говорила на немецком языке. Он сказал, что отпустит только одного из нас, спросил, есть ли нам, куда идти. И мама решила, что должна уйти я. Я была возле этой камеры и чудом спаслась оттуда. А маму и братишку Сашу я больше никогда не увидела, их сожгли вместе со многими другими людьми в артиллерий-

ском складе. Брату было 9 лет. Он играл на скрипке. Хороший мальчик был. Я никогда не хотела об этом вспоминать. Я вам впервые об этом рассказываю. Я осталась одна, у меня никого не было. Отец погиб на фронте. И дом наш сгорел от бомбы, так что я осталась еще и без дома».

«Вообще, спасаются сильные люди. Мне повезло, я была смелая девочка. Я никогда не выглядела типичной еврейкой. Я всегда красиво одета была: в хорошем пальто, в красивой шапочке. Поэтому меня не задерживали. Я прошла 4 квартала, нашла свою тетю, папину сестру. Приходилось есть замороженную картошку и черный хлеб, были времена, когда не было даже этого. Потом пришли полицейские и забрали нас с тетей. Полицейские были украинцы. Тетя была хорошая хозяйка. Она нашла своих знакомых, и ее пригласили варить на кухне. Мне она сказала, чтобы я раздавала еду».

«На Слободке, это район Одессы, у меня родственники были. Я случайно нашла их дом и несколько дней у них была. Я ушла, потому что боялась. Я ма-

ленькая была, но знала, что если я у них останусь, то в один день придут и меня убьют. Когда я услышала, что идут по домам, ищут евреев, я положила в карман кусок сала с хлебом и решила «убегу!».

Как Мира прожила 3 года оккупации, непонятно. Ясно только одно, она жила в постоянном голоде и страхе за свою жизнь и видела смерть близких и чужих людей вокруг себя. Когда Одессу освободили, и в город вошла Красная Армия, Мира решила уйти на фронт. Ей было к тому времени 14 с половиной лет. Вот как она рассказывает об этом: «Когда пришли русские, я решила, что так как у меня никого нет, то я пойду на фронт. Я себя спасала, ведь у меня не было ни родителей, не было ни дома, не было ничего, я осталась одна в целом мире. А второй причиной была любовь к Родине. Я остановила какой-то грузовик и попросила капитана взять меня с собой. Я была девочка толковая. Я делала все, что мне говорили делать: вела журнал, помогала в аптеке, кормила раненых, подавала воду. Не медсестра, а просто помощница. Я была в медсанбате. Это линия фронта. Я была на фронте до

конца войны». Кроме того, поскольку Мира хорошо знала немецкий и могла говорить на румынском, она помогала с переводами.

У Миры сохранились отрывочные воспоминания о войне: например, что работать в медсанбате она начала под городом Комрат в Молдавии, что в Венгрии были сильные дожди, когда они там воевали, и что 1944 год был тяжелым годом. Больше всего из этого времени ей запомнились кровопролитные бои Красной Армии, особенно в Венгрии, в районе реки Тиса, где погибло очень много людей.

Интересно, что Мира с точностью до последней цифры помнит номер своего подразделения: она воевала в составе Второго Украинского фронта под командованием маршала Малиновского, в 22-ой стрелковой дивизии 51-ого корпуса. Она была официально зачислена в состав действующей армии, и у нее был военный билет.

По рассказам Миры, дивизия провела в Венгрии 4 недели, а затем перешла в Трансильванию, в город Злин. Мира помнит, что там было много раненых.

Потом дивизия переходила Карпаты, самую опасную горную зону Европы, верхом на лошадях. Вот как Мира говорит об этом: «Как я могла, девчонка, ничего не бояться?! Даже на лошади ездил. Мне помнится случай, как мы ехали верхом на лошади по сейсмоопасным Карпатским горам, спускались сверху вниз, а внизу был дикий немецкий огонь. Я лежала и думала, пройдет время, пройдут годы, будет у меня семья, знакомые, и представляла, как я им буду рассказывать о том, через что прошла, и как участвовала на войне. Через неделю мы присоединились к войскам в Кракове и Катовице в Польше. В 2013 году мы с семьей ездили в Польшу, и вспомнились эти военные времена...»

Победу Мира встретила в Чехии, в городе Нова Весе: «Война закончилась

Выпускной в стоматологическом институте

для всех 9-ого мая, а для нас она закончилась 8-ого мая. Вокруг Украинского фронта уже ходили слухи, что война скоро закончится, и вот по радио объявили, что «Гитлеру капут!» Гитлер своих людей животными сделал. Для них было безразлично, кого убивать: детей, женщин, стариков. И вот пришел им конец. А я видела, как русские солдаты дают хлеб немецким детям и старикам. Я никогда не хотела убивать...»

После победы Мира сразу решила вернуться в Одессу. Она еще надеялась, что, может быть, отец остался в живых. Приехав в Одессу, она узнала, что отца убили на фронте, но к счастью, она смогла найти свою тетю и жила с ней какое-то время, так как своего дома у Миры не было. В связи с обстоятель-

ствами войны, Мира не закончила среднюю школу. Она вернулась в седьмой класс школы, полная решимости стать врачом. Она закончила среднюю школу, сдав выпускные экзамены экстерном, и в 17 лет поступила в стоматологический техникум в Одессе. Закончив успешно четыре года учебы в техникуме, Мира начала работать зубным врачом в поселке Любашёвка Одесской области: «Это была большая железнодорожная станция и рядом красивая, зеленая деревня. Работать было интересно.»

И там, в Любашёвке, Мира познакомилась со своим будущим мужем. Вот как она рассказывает об этом: «Это интересная история. В Любашевке у меня был зубо врачебный кабинет, я принимала пациентов. Однажды ко мне пришла цыганка, я ей удалила зуб. Она была очень благодарна и захотела погадать мне. Я не хотела, но она все равно сказала, что первый человек, который зайдет в мой кабинет, станет моим мужем. Я ей ответила, что она ошибается, что у меня уже есть молодой человек, и что он сейчас далеко, в Одессе. И вот заходит пациент. Он ехал в поезде, и

у него вспухла щека. Я его вылечила. Когда я вышла с работы, он меня ждал на улице и пригласил меня в ресторан. Он был умный и очень настойчивый. Он приезжал каждый вечер из Одессы. Мы расписались очень быстро, через 3 недели, и прожили 30 лет вместе. Даже не знаешь после этого, верить цыганам или нет...»

Муж Миры был родом из Николаева под Одессой, а учился в Харькове, где он закончил юридический институт. Он на 11 лет старше Миры. Во время войны он работал прокурором в Военно-морском флоте, а после войны приехал в Одессу, где тоже работал прокурором, и в Одессе все его знали.

Через год в семье родилась дочка Галина. Мира говорит, что очень хотела ребенка, потому что ей было одиноко, но она никогда не могла позволить себе еще одного ребенка, потому что у нее «никого не было, кто бы [ее] поддерживал». Дочка вышла замуж уже по-другому. Мира постаралась устроить ей большую свадьбу, чтобы было не так, как было у самой Миры.

Мира рассказывает, что после войны

были льготы по обучению для фронтовиков: можно было с дипломом техникума без экзаменов поступить в институт. И в 1960 году Мира поступила в Киевский медицинский институт, где проучилась 4 года.

Мира считает, что к ней относились хорошо в СССР: «мне квартиру дали, постоянно дарили подарки как ветерану войны...», и ей обидно, что в США мало внимания обращают на ветеранов.

В 1978 году семья Миры эмигрировала из СССР, сначала в Израиль, а потом

в США. К тому времени дочка уже была замужем, и у нее родился сын Женья. Мира говорит, что ее зять «толковый человек с хорошими руками», а внук Женья «писанный красавец, блондин с голубыми глазами». Мира с гордостью рассказывает, что внук защитил диссертацию по теме «Туберкулез в тюрьмах». Теперь у Миры есть два внука — двойняшки, Ник и Меди.

Мира считает, что евреям всегда трудно живется. Она не хотела, чтобы внук чувствовал себя евреем: «Здесь у нас национальность общая, и для меня это очень много значит. Что бы ни происходило, всегда виноваты евреи. Дочка моя интересуется, но я не хочу. Я не хочу говорить об еврействе, что я такая несчастненькая... Хотя я евреям помогаю всегда».

«Жизнь тяжелая... Я всю свою жизнь тяжело жила, у меня не было никакой моральной поддержки, потому что у меня не было самого родного, что может иметь человек — родителей...»

«Надо учиться, учиться и еще раз учиться!»

Мира и Шахзода, 2015

Наум Григорьевич Хаят

Записано Аленой Гомулиной

Детство в румынском местечке

Наум Григорьевич родился в Молдавии, в еврейском местечке Рышканы около города Бельцы¹ 1 января 1922 года. Однако, в то время эта территория называлась Бессарабией, и с 1918 по 1939 была частью Румынии. Наум вспоминает, что в Рышканах жили одни еврейские семьи, и у всех было много детей. В семье самого Наума было семеро детей, а у родителей жены Наума было 10 детей. В городе было 9 синагог, была бесплатная еврейская школа, талмуд-тора, где учили

на идише. Было также много мануфактурных магазинов и много портных. Из ближних молдавских сел в Рышканы приезжали покупать материалы, а потом отдавали шить местным портным. Почти в каждой семье были портные, по словам Наума. Город делился на разные районы по синагогам: богатые, средние и бедные. Отец Наума ходил в Портняжную синагогу, но Наум не сказал, счита-

лась ли она богатой, средней или бедной. Отца Наума звали Гершен (Григорий). Он родился в 1887 году. Он был портным, у него была своя мастерская. Маму звали Лэйхи (Лэя), она родилась в 1892 году. Все сыновья Гершена и Лэйхи были портными, сначала работали с отцом в его мастерской, а потом имели свои мастерские. Старшего брата звали Нусен (он 1912 года рождения), второго брата — Мендел (1913 года рождения), Авром родился в 1915 году, потом в 1920-ом Берль (Борис), Наум в 1922-ом году, Ривн (Ровен) в 1923-ем, и наконец, в 1925-ом году в семье родилась девочка — Белла. Семья Наума праздновала все еврейские праздники, включая Рош Ха-Шану,

Наум с женой

На фотографии семья из 25 человек: родители Наума и их дети — 1 дочка, 6 сыновей, 11 внуков (4 девочки и 5 мальчиков). На фотографии Науму 35 лет. Сейчас уже все братья и сестра умерли, а внуки с 1990 года живут в разных местах в Израиле.

¹ Второй по величине город в Молдавии после Кишинева. В начале XX века евреи составляли большинство населения

города. Согласно румынской переписи населения 1930 года, из 35 000 жителей около 20 000 составляли евреи, 10 000 румыны (молдаване) и 5000 украинцы и русские.

Песах, Шавуот и так далее. У Наума была бар-мицва. Он учился в хедере, где его учил идишу слепой раввин Ицхак, над которым дети всегда подсмеивались. После окончания хедера Наум учился в румынской школе. Он закончил семилетку и был отличником. Его любимым предметом был румынский. Всего Наум знает 5 языков: молдавский-румынский, русский, украинский, идиш и иврит. Кроме того, Наум был спортсменом в детстве; он занимался бегом.

После окончания школы Наум учился у отца ремеслу портного, работая в его мастерской. На самом деле, мастерская — это не отдельное здание. Она находилась прямо в доме, в передней части. В мастерской (комнате) стояли две большие швейные машины и большой стол. Посередине дома была гостиная, дальше шли спальня и кухня. В доме был маленький дворик, а туалет был во дворе.

Наум говорит, что перед войной с родителями жили только сестра, братья Ровен и Борис и сам Наум. Остальные братья уже были женаты и жили отдельно. Они все были портными, и все имели свои мастерские. Трагичная история слу-

чилась с братом Менделем. Он попытался перейти границу с СССР в 1938 году (когда ему было 25 лет), но его приняли за шпиона и расстреляли.

Наум рассказывает, что многие евреи из Рышканов уезжали на постоянное место жительства в Палестину до войны. Особенно молодежь, люди 18-20 лет, готовилась к переезду. В Рышканах активно действовала организация «Гордония»², где готовили людей для переселения: проводились специальные курсы по ивриту, готовили людей для работы в кибуцах, учили, что такое Израиль, воспитывали халуцимов. Наум состоял в этой организации, т.е. был гордонистом. Там он учил иврит, хотел в 19 лет уехать в Израиль, но началась война.

Завод № 603, 1960

² Молодежное сионистское движение, возникшее в конце 1923 г. в Галиции и распространившееся почти по всему еврейскому миру. Цели движения заключались в воссоздании родины на земле еврейского народа в Эрец-Исраэль, воспитании участников движения в гуманистическом духе, создании трудоспособной нации, возрождении еврейской культуры на языке иврит и в самостоятельном труде. Движение стремилось вовлечь в свои ряды молодежь из всех слоев еврейского общества.

Советская власть в Молдавии просуществовала только год до войны. Наум рассказывает, что 7 июля 1940 года семью эвакуировали на Урал, но почему была эвакуация (или это было переселение), он не рассказывает. Семья поселилась в селе Введенское, в 12 км от города Курган, где был военный завод № 603³, на который поступил Наум. Он проработал на этом заводе слесарем и мастером цеха пять лет; всю войну у него была бронь, поэтому на фронте он не был (из всех членов семьи на фронте был только Ривн). Завод производил капсульную втулку для снарядов №8. В его цехе работало 70 женщин, и Наум был единственным мужчиной. Уже на Урале, работая на заводе, Наум выучил русский язык.

Когда Науму был 21 год, отец познакомил его с девушкой Яной (Йохевит,

³ Завод № 603 8-го Главного управления Наркомата боеприпасов СССР в годы Великой Отечественной войны выпускал капсульную втулку KB-4 капсула-воспламенителя от 30-мм до 100-мм калибра зенитного и пушечного выстрела;

Яхет). Она была на 5 лет старше Наума. Они расписались в горсовете 17 февраля 1943 года и прожили вместе 65 лет: с 1943 по 2008 год. Яне было 90 лет, когда она умерла. В том же 1943 году у Яны и Наума родилась дочка Александра, и с тех пор в семье рождались одни девочки: у Александры дочка Людмила, а у Людмилы две девочки 13 и 10 лет. Дочь Наума профессиональная скрипачка и 22 года играла на скрипке. После эмиграции работала заведующей хозяйством в американском посольстве в Израиле. В Америке Александра окончательно бросила музыку и работала директором гостиницы 20 лет.

В 1947 году семья Наума вернулась домой в Молдавию, но своего дома они не нашли, «там была только земля»; тогда решили уехать в Черновцы (исторический центр Буковины) и прожи-

в 1942—1943 гг. производил гранаты РГД-33 и РГД-42. 1008 чел. награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг».

Бельцы после боев, 1941

ли там 25 лет
вплоть до самой
эмиграции.
Многие евреи
из маленьких
местечек в Мол-

давии в то время поселились в Черновцах, потому что город не был полностью разрушен во время войны. Наум рассказывает, что в городе было шесть синагог и молитвенных домов, а также был еврейский театр имени Шолом-Алейхема. Однако, начиная с 1949 года, по приказу властей закрыли театр и некоторые синагоги, другие синагоги и молитвенные дома оставались открытыми: «евреи держались».

Наум с женой и дочерью поселились на улице Первомайская. Он опять занялся портняжным делом и 25 лет работал преподавателем по швейному делу в городском профтехучилище. За заслуги ему присвоили звание «Заслуженный деятель профтехобразования». Наум выучил украинский в Черновцах, потому что «это Западная Украина, и там все говорили по-украински».

Эмиграция

В 1972 году Наум с женой, дочкой и внучкой уехали в Израиль, «потому что мы евреи». Визу в Израиль ждали очень долго. Наум говорит, что пришлось оставить все, что было, но в Израиле их приняли «прекрасно», дали квартиру в районе Кирьят-Нордау в Нетании. В городе была швейно-трикотажная фабрика, и Наум пошел работать закройщиком на швейной фабрике. Яна в Израиле не работала. За 17 лет жизни в Израиле Наум научился говорить и на иврите.

Дочка с мужем (он был инженер-электрик) переехали в Америку и через 8 лет пригласили к себе Наума с женой. В 1989 году они приехали в Бостон к дочке. Сначала они снимали квартиру, а потом получили субсидированное жилье в Брайтоне (в доме Вашингтон 30).

Наум уже 42 года живет за пределами СССР и старается забыть «Россию». Он

не интересуется новостями из России, но любит слушать новости об Израиле. Он не любит, когда играют советские песни, потому что даже «в молодости не любил СССР, потому что они издевались над людьми».

Об американской жизни Наум не очень много знает, потому что «не сталкивался». Очевидно, поэтому, он не научился говорить по-английски, в отличие от своего предыдущего опыта, когда он быстро выучивал язык той местности, в которой жил.

Когда заболела жена Яна, стало очень тяжело. Она проболела только 2 месяца и в 2008 году умерла. После смерти жены к Науму домой приходили три помощника: одна готовила, другая убирала и стирала, а один мужчина купал. Но жить одному становилось все труднее, поэтому его поселили в реабилитационный центр.

Наум о жизни и музыке

Не имея музыкального образования, Наум, тем не менее, всегда любил петь. Он выступал на праздниках общины в Израиле, исполняя сольные номера, и в хоре в русскоязычной еврейской общины Бостона, где он 12 лет был солистом и каждый год получал почетную грамоту. Наум вместе с хором пел даже перед мэром Бостона. Самым счастливым, ярким временем жизни Наум считает именно время участия в хоре. «Я любил людей и уважал людей, любил еврейское общество, и в доме у нас была группа, которая проводила все еврейские праздники: Пасху, Новый год. На концерты приходило по 100 человек!»

По мнению Наума, самое главное в жизни — это сама жизнь.

Раиса Самойловна Мигранская

Записано от первого лица
Яном Шнейдерманом

Детство

Я родилась 30 июня 1921 года на юге России в городе Ростов-на-Дону. Это индустриальный город: там была очень хорошая обувная фабрика, знаменитый завод Ростсельмаш, пединститут...

У нас был огражденный дворик, и все дети там играли. Гражданская война тогда только кончилась, и мы играли в белых и красных. Один мальчишка меня ударил палкой по почке, и из-за этого в

почке образовались камни. Папа меня обожал, и когда нужно было удалять камни, он сказал: «Я дочку под нож не отдам!» В конце концов в 36-ом году мне пришлось удалять всю почку.

В нашем дворе играли все вместе, дети сапожников и инженеров, и мы остались друзьями на всю жизнь. Все ходили в рваном, все были бедные, но зато богатые все душой. Все друг друга любили, помогали друг другу, страдали за другого человека. В нашей школе никогда не было конфликтов на национальной почве. Моими самыми ближайшими подругами были немка, полька, украинка, еврейка. С моей недавно ушедшей подругой мы дружили шестьдесят шесть лет.

У нас была семья бедных евреев, пожилые родители. В семье было пятеро детей: у меня четыре сестры и один брат. Я была старшей в семье. Мои родители плохо знали русский язык. Они эмигрировали после Первой мировой войны, возможно, из Польши. Родители говорили на идише и ломаном русском. Однажды мама попросила у соседки «воровку», хотя ей нужна была веревка. В Ростове тогда была синагога, там мы доставали

Раиса, 40ые годы

мацу на Пасху, а мама обычно постилась на Йом-Киппур. Один раз я, маленькая девочка, пошла с мамой в синагогу на Рош Ха-Шану. Там все плачут, молят Бога, и мама в том числе. Я испугалась и говорю маме: «Мамочка, что ты плачешь, кто тебя обидел?»

Я очень многое узнала от моего папы. Он мне много рассказывал о том, что написано в Библии: историю Иосифа, что такое Ханука. Поэтому я знала намного

Раиса, 40-ые годы

больше других.

Мама с папой говорили на идише только тогда, когда хотели, чтобы дети не понимали, о чем они говорят, но у меня такая склонность к изучению языков, что я все запомнила. Когда уже в Америке, я побывала на докладе по случаю годовщины смерти Михоэlsa, который читали на идише, то, к моему изумлению, я понимала, о чем говорят. Я говорить на идише не могу, но немножко понимаю; расхожие выражения и местечковые песни, такие как «Ойфн припечек» я знаю.

Война

В 1939 году я поступила учиться в пединститут на факультет русского языка и литературы. Отучилась два курса, а потом в июне началась война. В 1941-ом году мне было девятнадцать лет. Я была девчонкой, ничего не знавшей о жизни, потому что мама меня оберегала, боясь

повредить вторую почку. У нас был брат, который пошел на фронт, но он сказал, что едет по путевке в Сочи, чтобы мама и я не волновались. «Если надо будет что-то, посылай на главпочтамт в Сочи», — так он сказал. Мы в это поверили. В октябре 41-ого мы всей семьей эвакуировались из Ростова, это было как раз, когда немцы должны были войти в Москву. Со мной были старенькие папа с мамой и маленькая сестричка.

Брат Леонид

Уходил по Волге последний пароход, но сесть на него было невозможно. Люди висят на пароходе, прохода совсем не видно. Когда смотришь на такие ужасы со стороны, сочувствуешь людям, жалко людей, но не представляешь, что это может быть с тобой. Во время войны документы были дороже жизни. Нам дали документы, что мы семья военнослужащего (тогда мы уже знали, куда на самом деле уехал брат). По этим документам нам должны были дать билеты на пароход. Когда мы прибыли на пристань, я увидела мужчин и женщин, которые ночевали на полу, чтобы попасть к начальнику со своими просьбами. Мне нужно было, чтобы нам дали билет до Казани. Я долго не могла найти ни начальника, ни очереди, всю ночь проходила среди людей, лежащих на полу, но ни к какому начальнику не попала. Тогда я на всякий случай решила дать телеграмму в Сочи и, конечно же, не получив никакого ответа, встала в общую очередь.

В это самое время какой-то военный парнишка шел мимо этой очереди. Когда он дошел до нас, он подошел ко мне, и завязался разговор. Потом он мне ска-

зал: «Отойдемте?», и я отошла. Он сказал, что может нам помочь тем, что когда будет брать свои билеты, возьмет билеты и для нас. Я отдала ему свои документы и стою в сторонке, а он подошел к окошку. Через некоторое время окно опустилось, он подошел к нам и говорит: «Все». Я подумала, что совсем все, что нам не дали билеты, думала, что с ума сойду. И пока все эти мысли проносились у меня в голове, он сказал: «Вот ваши документы!», и в шесть часов мы условились встретиться на берегу реки.

В 6 часов я пришла к назначенному месту, но его не вижу, только какой-то парень стоит, а это он — преобразился! Там на берегу Волги при лунном свете состоялась романтическая встреча двух людей, влюбившихся друг в друга во время войны...

Сесть на пароход было почти невозможно, но он нас какими-то путями провел к нашей каюте. Дежурная не хотела открывать каюту до отплытия, но парень сказал: «Вы откроете каюту, пока я здесь». За его участие к нашей судьбе мама отдала ему свою большую ценность — банку варенья. Он попросил мою

Раиса, 40ые годы

фотокарточку, но у меня не было фотографии там, где я отдельно. Он хотел попроситься, но я так устала, что упала на кровать и не могла встать, чтобы его прово-

дить. Сестра была готова убить меня, но я не могла подняться. Это был ужас, я как сейчас чувствую. Мы попрощались, и он дал мне свой адрес. Я хотела его разыскать, чтобы отблагодарить, но боялась, что могу ему навредить, и так эта история закончилась. Но он спас нашу семью.

Мы прожили приблизительно полгода в Казани. Моя сестра работала секретарем в академии наук у Несмеянова, я была вахтером и дежурила ночью в этой академии. Летом 1941 года мы переехали в город Сталинабад¹ в Таджикистане, а в 1949 году вернулись обратно в Ростов. Когда мы вернулись в город, мы увидели, что наш двор был разрушен и узнали, что во время войны одну еврейскую семью, жившую в нашем доме, расстреляли немцы.

¹ Душанбе

Муж

Мои брат и муж воевали. После войны брат работал в издательстве грузинской газеты «Заря Востока». Он рассказывал, какой замечательный народ грузины, и как дружелюбно они относятся к другим народам, и в том числе, к евреям.

Мой муж родился в городе Кременчук на Украине, но еще ребенком переехал в Ростов. В самом начале войны он пошел на фронт добровольцем, будучи студентом, оставив свою одинокую мать. Шел тяжелый бой, в котором мой муж, будучи артиллеристом, принял огонь на себя, тем самым спасая своих однополчан. Позже за проявленную отвагу он получил Орден Славы. В этом бою муж потерял три пальца правой руки и один на левой. Когда его оперировали, врачи хотели удалить все пальцы, объясняя, что иначе будет гангрена, но муж в по-

лусознательном состоянии потребовал оставить два пальца. «Потому что», — сказал муж — «Я все равно буду ученым, мне надо будет писать». В госпитале он несколько месяцев лежал с дикими болями, и никакие лекарства не помогали. До конца своей жизни мой муж был сильным и мужественным человеком.

Проявления антисе- митизма

И сама Раиса, и ее муж несколько раз в жизни сталкивались с проявлениями государственного и бытового антисемитизма.

Раиса описывает опыт своего мужа: «После войны мой муж не смог поступить в аспирантуру по причине своего еврейства. Когда он сдавал экзамены в Ростове, ему задавали сверхтрудные вопросы, чтобы его завалить. Он прекрасно отвечал, но ему все равно поставили плохую оценку. Мужа не брали на работу, и он пошел в строительный

институт помощником библиотекаря. Со временем он стал в этом институте лектором. Тем временем, Юрия Жданова перевели из Москвы в Ростов, и, впоследствии, он стал ректором Ростовского государственного университета. Тот самый профессор, который завалил мужа на экзамене в аспирантуру, пришел к Жданову и рассказал, что он не может жить из-за того, что поставил мужу, человеку энциклопедических знаний, неудовлетворительную оценку. Профессор предложил Жданову перевести мужа в университет, и Жданов откликнулся на его просьбу. Я советовала мужу не переходить в другой институт, но Жданов, зная, что нам нужна жилплощадь, предложил нам квартиру. Мы тогда жили вместе с мамой мужа в маленькой квартире, в которой одна комната служила и рабочим местом мужа, и спальней мамы. Жданов обещал нам дать квартиру в доме в центре Ростова напротив университета, чтобы было место и для мамы мужа, и для нас. В нашем подъезде на первом этаже жил генерал, у которого Жданов часто бывал. Муж достаточно хорошо знал Жданова и называл его удивительно образованным человеком».

Раиса рассказывает о своем опыте: «Когда я приехала работать в Морозовск по распределению, то никак не могла найти жилье: жила то там, то здесь по одной неделе. Первую неделю все говорили: «О, какой вы хороший человек!», а как только надо было прописаться, они замечали пятую графу², сразу оказывалось, что нужно освободить комнату из-за приезда родственников.

Моя национальность служила причиной отказа в приеме на работу. Один раз в 50-х годах я услышала, что в одном Ростовском техникуме освободилась вакансия преподавателя, и я пришла туда устраиваться на работу поздно вечером. Начальник первого отдела закрывала кабинет, стоя ко мне спиной. Я ей сказала, что слышала, что техникум ищет преподавателя английского языка. Она сразу же обернулась ко мне, воодушевилась, открыла дверь в кабинет и стала со мной разговаривать. В процессе разговора она спросила: «У вас нет никого из знакомых, кто бы преподавал русский язык?» Я сказала, что у меня есть диплом. Женщина воскликнула: «Ну, вас

²В советских паспортах в пятой строке на страничке с биографическими сведениями обязательно указывалась национальность.

нам сам Бог послал!» Она пригласила меня в техникум рано утром до открытия на встречу с директором.

Я понимала, что эта женщина на радостях забыла проверить пятую графу. Когда я с мужем пришла в техникум на следующее утро, директор мне сказал: «У нас вакансий нет. Кто вам сказал, что у нас есть вакансии?» Я сразу поняла, что они осознали, что я еврейка, засмеялась и сказала: «Вы единственная организация в Советском Союзе, в которую принимают на работу ночью. Я пришла вчера после закрытия техникума, и у вас было место, а сегодня я вернулась до открытия, и место уже занято!»

Однажды на корабле, плывущем в дом отдыха под Ростовом, я познакомилась с одной женщиной. Она сказала, что я ей очень нравлюсь, и предложила жить в одной каюте. Мы начали разговаривать, и она мне стала рассказывать про своего начальника: «У меня начальник Абрам (она неправильно произносила букву «р», нарочно изображая еврея). Вообще-то он ко мне хорошо относится, но он Абрам!» Я ей сразу же сказала, что в таком случае, если я буду идти по одной

стороне улицы, то ей придется перейти на другую. «Представляете, какой ужас, вы полюбили еврейку!»

Во время «дела врачей» было очень плохо. Многие люди верили, что евреи действительно травили членов партии, но ко мне лично никогда не было плохого отношения. Многие говорили так: «Я евреев не люблю, но ты хороший».

Первые два курса литературного факультета я закончила в Ростове, а третий и четвертый — уже в Сталинабаде. В 44-ом году я поступила в тот же институт, но на факультет иностранных языков. Третий и четвертый курсы этого факультета я закончила в Ростове. Училась я хорошо, и у меня должен был быть Красный диплом. Но в сороковых отношение к евреям было такое, что диплома было не получить. Начальник Первого отдела (отдела кадров) была

дружна с мамой моей подруги и спросила у этой моей подруги, правда ли, что я иду на Красный диплом. Когда моя подруга ответила, что да, начальник Первого отдела сказала: «Не будет у нее Красного диплома. У нее будет одна четверка». Мне поставили четверку по политэкономии. Тогда это считалось ужасно, но сейчас мне это делает честь. В моем дипломе по шестидесяти двум предметам стоит «отлично», и только по одному «хорошо».

Я обожала свою работу, работу учителя. Я рождена с талантом преподавать. Я начала работать еще в Таджикистане: преподавала русский язык аспирантам. Я старалась говорить с аспирантами по-русски на разные темы, потому что если просто учить теорию, человек не может говорить и понимать. Когда в 49-ом году умер мой папа, и мы решили вернуться в Ростов, аспиранты так хотели, чтобы я осталась, что администрация предлагала в два раза повысить мне зарплату и дать квартиру.

По возвращении в Ростов меня отправили преподавать в Морозовск, казачью станицу в Ростовской области. После

Раиса и Фи́ра

Морозовска по совету моего знакомого я переехала работать в Шахты, шахтерский городок. Там я снимала квартиру у одной бабушки, жившей с внучкой, внуком и правнучкой. Отец детей был агрономом, его заставили работать на немцев во время войны, а потом из-за этого его уже наши посадили. Так как он работал на немцев, его жену никуда не брали на работу, и ей пришлось пойти устро-

иться на работу, на которую приходилось идти через овраг, а в овраге волки! Когда умер Сталин, эта семья радовалась, а мы с мамой плакали.

После Шахт я преподавала в вечерней школе в Ростове. Однажды, когда методист от Ростовской области присутствовала на моем уроке английского, один из учеников опоздал, но он так хорошо извинился и объяснил причину опоздания по-английски, что методист была очень удивлена: «Так хорошо не говорят по-английски ни в одной дневной школе!» Английский в моей школе был факультативом, но на мои уроки молодежь набивалась битком. Однажды в школе не было света, и всех отпустили. Мы с другими учителями зажгли свечку и сидели в учительской. Вдруг слышим стук в дверь: «Раиса Самойловна, мы вас уже сорок пять минут ждем». Они сидели в классе в темноте, и никто не уходил. В вечерних школах учились не какие-то отбросы, а умные люди, которым просто нужно было получить аттестат. Мне было очень интересно с ними работать: я даже не знаю, кто у кого учился — они у меня или я у них.

Когда я училась на литфаке в Ростове, я часто участвовала в концертах агитбригад, которые ездили с самодеятельностью по Ростовской области. Я всю жизнь выступала и читала стихи. Уже в двенадцать лет я читала стихотворение Маршака «Мистер Твистер» и получила приз — поездку в Москву. Я начала выступать до того, как начала работать. Когда я была еще в школе, в 1937 году отмечали столетие смерти Пушкина, и все города ставили пушкинские пьесы. Я претендовала на роль Марины Мнишек из «Бориса Годунова». Кроме меня, на эту роль пробовались еще четыре девочки. Я очень нервничала, дрожала как осиновый лист. Я должна была читать последней, но когда я посмотрела на девочку, сидевшую рядом со мной, то обомлела: статная, красивая, готовая Марина Мнишек! Но тогда я решила,

что роль уже не получу и успокоилась. Поэтому когда меня вызвали читать, я не волновалась, читала так, как я должна была читать, и выбрали меня!

Начались репетиции. В «Сцене у фонтана» после того, как Марина говорит, что пока Лжедмитрий не займет трон Годунова, она не будет слушать признания самозванца в любви, Марина должна уйти, и режиссер на каждой репетиции просил меня показать, как я буду ухо-

Раиса, 40ые годы

дять, но я каждый раз говорила, что уйду как надо, и ни разу свой уход со сцены не отрепетировала. Во время выступления, вместо того чтобы уйти с гордо поднятой головой, я ушла как гусыня надутая, и зал стал смеяться. Я подумала, что все провалила. Режиссер пришел ко мне за кулисы и сказал: «Раечка, поздравляю с первым твоим успехом! Ты будешь чудесной артисткой!» Я не верила ни глазам, ни ушам своим. Это были не просто слова, на завтра он пришел к нам домой и рассказал, что при Ростовском театре открывается студия для молодежи, и туда решили взять меня и еще одного мальчика. Но мне мама не разрешила туда идти, поскольку считала, что театр — это не специальность. Я ей за это очень благодарна, я рада, что в итоге стала преподавателем.

Я очень люблю стихи. Уже здесь на недавнем вечере я читала «Барона фон Врангеля» Демьяна Бедного. А когда я хожу гулять, я сама себе читаю стихи и наслаждаюсь. Вот вы такие стихи слышали?

Боже! — кричу я всей болью глубинной. —
Что мне бессмертья сомнительный рай!
Пусть я умру, но не позже любимой —
этою карой меня не карай!
Это Евтушенко. Я его уважаю глубоко.

Я даже не могла предположить, что когда-нибудь уеду в Америку. В конце восьмидесятых одна из моих сестер и подруга считали, что те, кто уезжает в Америку, психически ненормальные люди. Когда в 1993 году я уехала в Аме-

Раиса и Фира

рику, эта подруга мне призналась: «Это мы были психически ненормальные люди». И мне Америка тоже очень нравится.

Однажды в Шахтах я проснулась, а возле меня на диване сидит какой-то мужчина и рядом с ним Коля, внук моей хозяйки. Коля говорит: «Это мой папа.» Я сразу вскочила, чтобы дать этому мужчине сесть по-человечески. А этот мужчина так сказал: «Вы на меня вообще можете внимания не обращать. Меня как нет!» И тогда я поняла, как из человека выбили человека, и что можно сделать с человеком, когда он зависим. Для меня самый большой грех — злоупотреблять зависимостью другого человека.

Если бы у меня были дети, первое, чему бы я их научила, — это самоуважению. Нас раньше учили быть скромными, и я совсем не понимала, что значит

Раиса, 2015

любить себя. Надо объяснять детям, что нужно ценить то, что в тебе есть хорошее...

Мне кажется, люди неблагодарные — это не порядочные люди. Для меня самая главная ценность — это порядочность. Порядочный человек не предаст и не сделает плохо. Для одной женщины, с которой я здесь разговариваю, главное в человеке — доброта, но я считаю, что порядочный человек не может быть недобрым.

Зоя Григорьевна Ортенгейм

Записано от первого лица
Давидом Эйдусом

Родители

Моего папу звали Григорий Исаакович Левин. Он родился в Литве в 1884 году. Тогда при царе была так называемая «пятипроцентная норма». В институт или в среднюю школу брали тех еврейских мальчиков, которые были отличники; институт мог принимать только 5% евреев. Он поступил в Санкт-Петербургский технологический институт примерно в 1904 году, но через год, в 1905, его исключили из института. В то время студенты выступали против царского

Зоя, 1947

режима, устраивали демонстрации. Папу арестовали и сослали в Сибирь куда-то за Иркутск. Он работал в шахтах на рудниках до самой революции. Когда началась революция, его освободили. Родители отца, Исаак и Фрида, остались в Литве. А потом, когда свершилась революция, они приехали в Петербург, в каком году, я точно не скажу. Его родные: отец, мать, сестры, брат — все переехали из Литвы в Ленинград уже после революции. Родители отца, бабушка и бабушка, между собой говорили на идиш и по-русски с акцентом. По-моему, дед говорил еще на литовском, но я не знаю точно. Родители отца соблюдали еврейские традиции.

Маму звали Рахиль Зеликовна (Захаровна) Михалевич. Она родилась в 1894 году в селе Оёк Иркутской области на берегу Байкала. Ее родители и бабушка были из Польши. Там тоже всякая заваруха была, и они бежали оттуда или были сосланы, точно не знаю. Я думаю, они были сосланы, отбыли срок и там остались. Это было еще при царе Александре Втором в XIX веке. В том селе, где они поселились, была только одна

еврейская семья. Там не было еврейской общины. Семья мамы соблюдала еврейские традиции, но моя мама знала только русский язык. Родители не могли детей учить в школах — дорого это было, далеко от центра, и надо было работать. У них в семье было семеро детей: пять сестер и два брата. Все очень рано начали работать. Чуть подрастут, надо идти в поля, сажать картошку, ухаживать за скотом».

Мамин отец Зелик был мясник, закупал скот (коров, быков, оленей) и забивал их на мясо. Бабушка, мамина мама, занималась тем, что выпекала хлеб, и продавала этот хлеб каторжанам. Через поселок, где они жили, проходила дорога, и по этой дороге при царской власти шли ссыльные в кандалах. Шли они пешком, не знаю, сколько тысяч

Зелик Михалевич с братом

километров. Люди парами были прикованы. Они шли этапами и, проезжая этот пункт, останавливались, и бабушка их кормила. Это был такой ночлежный дом. Изба одна, ссыльные на полу спали, и кормили их вот этим хлебом и мясом, которые дедушка и бабушка готовили.

В селе Оёк были русские, но в основном, жили северные народности. У мамы было много друзей эвенков и якутов. Природа была очень жесткая, было очень холодно. Мороз был до 50 градусов в этом месте. Иногда пурга была такая, что на улицу не выйти. От одного дома к другому протягивали канат; и вот за эту веревку держались, чтобы от дома к дому перейти. Когда здесь говорят «шторм», я на него внимание не обращаю. А там ветер валил с ног, дышать было нечем. Очень жестокий климат был. Я там жила во время войны в эвакуации. Если выйдешь на улицу, слюна моментально в лед превращается на лету. Или, бывало, идешь, и люди кричали: «Девочка, у тебя замерзла щека, закрывай скорей.»

После революции началась Гражданская война. Мама жила уже в Иркутске.

Она к тому времени окончила какие-то курсы и работала машинисткой. Она кончила всего четыре класса в сельской школе, у русского священника, но писала очень грамотно. Когда мои сыновья в школе учились, они просили меня проверить свои сочинения. Я им говорила: «Попросите бабушку, она все проверит и все ошибки исправит». Она очень способная была, очень начитанная. В Гражданскую войну мама у красных работала в штабе машинисткой. Отец тоже переехал в Иркутск после того, как освободился. Он стал часовым мастером и работал в Иркутске. Кто-то из их знакомых познакомил отца и мать. Они поженились в 24-ом году, и я родилась в 1926 году».

Переезд в Ленинград

Отец Зои Григорьевны был сослан из Петербурга, и после революции он

решил вернуться в любимый город. К тому времени, его родители уже переехали в Ленинград из Литвы. Отец поехал первый в начале 1926 года, а потом к нему приехала мама вместе с маленькой Зоей в 1927 году. В 1929 году в семье родилась вторая дочка, которую назвали Рита. Родители мамы, все братья и сестра остались жить в Сибири. Отец пошел работать на заводе мастером, а мама работала кассиром в продуктовом магазине: «Моя семья была простая, трудящаяся...»

Сталинские репрессии

«В первый раз моих родителей арестовали, когда мы были совсем маленькие: мне было лет пять, а сестре было три года. Это был 30-ый год, может быть, 32-ой. У нас была няня Ольга. Хотели нас в детский дом отправить, но няня не пустила. Она осталась с нами. Сначала выпустили маму; она там недол-

го была, может быть месяц, а отца арестовали надолго. Мы скрывали, что папа был арестован. Потом отпустили папу.

Я не знаю, за что родителей арестовали. Они не хотели ничего об этом говорить. Когда мне было 11 лет, а сестре 8, мой отец был арестован снова. Мы его больше не видели. Нам сказали, что он умер в 38-ом году от сердечного приступа, а забрали его в 37-ом году. Я никогда нигде не говорила, что мой отец был репрессирован.

Маме одной пришлось растить двух малолетних детей. У нее специальности не было, поэтому она работала на простых должностях: кассиром в магазине, секретарем-машинисткой, иногда уборщицей, чтобы нас как-то прокормить. Чтобы было легче жить, мы никому ничего не говорили, и никто не знал. Мама очень умная была, она как-то сумела весь этот эпизод скрыть, и мы говорили, что папа умер от «грудной жабы». Только самые близкие люди знали, что его арестовали. Никакого влияния на дружбу с другими детьми от этого не было. Мои подруги и учителя ничего не знали. Так и жили. Может быть, это

было несколько необычно по сравнению с другими, но вот у нас такая получилась история. Я жила нормально в этом отношении. Детство было тяжелое не потому, что я скрывала биографию, просто по материальным причинам. Мама мало зарабатывала, у нее было две девочки; ей было очень тяжело.

Когда мы потеряли папу, мама уже не могла содержать домработницу. Мама работала, а мы были дома одни. Я была маленькой девочкой, но мне приходилось все делать по хозяйству: и стирать, и убирать, и готовить, и покупать. Мы сразу повзрослели и полностью себя обеспечивали. Наша няня пошла к другим хозяевам, но мы с ней держали связь. Я встречалась с няней после войны, помогала, подкидывала денег иногда.

Люди, пережившие сталинские лагеря, ссылки, аресты, не любят говорить об этом. Как будто это была какая-то тайна; не дай Бог, говорить. Боялись, чтобы с работы не уволили... Поэтому мы знаем об этом совсем немного. Мама говорила, что в тюрьме были очень тяжелые условия. Камеры были так набиты, что спать невозможно было; люди

спали стоя. Она пришла вот с такими опухшими ногами, потому что не давали спать, будили, или места не было, чтобы лечь. Ноги у нее отекали, простояв там неделю или две. Но как-то она выжила. И она была уверена почти до своей смерти, что это не Сталин или Ленин виноваты, а какие-то злоумышленники, какие-то враги народа. А как у папы там сложилось, я не знаю.

У нас была приятельница Мария Андреевна; у нее было двое маленьких детей. Забрали и ее, и ее мужа; у них никого больше не было. Детей отдали в детский дом, мужа расстреляли, а ее сослали. Она долго сидела, с 37-ого года по 53-ий, уже после смерти Сталина. Ее реабилитировали. Она к нам приезжала и рассказывала такую историю. Когда ее арестовали, одной дочке было три-четыре года, другой два годика. После освобождения она своих детей отыскала. Они категорически от нее отказались. И они ее не признали, не захотели вернуться к матери. Они ей говорили: «Ты враг народа». Так их воспитывали в детском доме. Она к нам приходила и плакала. Так она осталась одна жить».

Детство и школа

Училась я хорошо, была отличница. Свою начальную школу я вспоминаю с большой любовью. В России в то время, когда я училась, школа была общая для всех ребят. Не было, как здесь: хорошая школа, плохая школа, дорогая школа, за деньги, платная, бесплатная. Школа была общая. В одном классе у меня подружка была, дочка очень крупного

Зоя с мамой Рахиль и сестрой Ритой

профессора, а другая девочка была без родителей, беспризорница, очень бедная девочка была. Мы все дружили независимо от материального положения. Тогда мы не различали, кто родители; у нас такого не было. В школе мои любимые предметы были литература и история. Мне хорошо давалась математика, и я также любила биологию.

В детстве у меня было много друзей. Прежде всего, это были одноклассники. Мы хорошо дружили, и мальчики, и девочки. Наш класс был большой, человек 30. Когда закончилась война, я захотела найти своих друзей, но, к сожалению, выяснилось, что блокада почти всех уничтожила. Может быть, человек пять или шесть осталось из нашего класса. Война началась 22 июня, у нас уже каникулы были, и некоторые дети уехали на каникулы в другие города. Я знаю мальчик один, он был полуеврей, он не вернулся, попал к немцам, его там расстреляли. Вторым мальчик, Матвеев, был в Белоруссии, и тоже попал к немцам, но его как-то спасли, прятали, что-ли. Я его встретила после войны. Он помешался от всего этого ужаса. Он

отдыхал в Белоруссии, там была маленькая еврейская деревня. Я там тоже бывала, потому что мы дружили, и родители нас вместе иногда отправляли туда. У него в этой деревне была тетя и другие родственники. Немцы захватили деревню, мне потом рассказывали очевидцы, что всех жителей расстреляли. Этот мальчик успел убежать. Так этих детских друзей осталось мало. В основном, погибли мальчики, девочки выживали.

В школе я проучилась до седьмого класса, а дальше началась война. После этого так получилось, что школы по-настоящему я не видела.

Советское общество до войны

До войны у нас была одна комната. Четверо человек — мама, папа, и я с сестрой — жили в одной комнате. Комната была большая; хорошая комната. А после войны так получилось, что нашу

комнату заняли, и нам дали на троих комнату в 6 метров, и мы втроем — я с мамой и с сестрой жили в этой комнате. Потом приехали родственники, и негде было спать, мы на полу спали. Комната была без печки. Квартирный вопрос был очень тяжелый в Ленинграде, после войны особенно.

Надо сказать, что в то время вообще не было очень богатых людей. У всех, кто работал, особенно денег не было: у профессора денег не было, и квартиры не было, у всех была одна комната. Квартира была коммунальная, это что значит? Живут в одной квартире пять-шесть семей. Туалет общий. Мы жили в квартире, где было 30 человек; у нас был один туалет на всех, ванной не было. Утром в туалет была очередь.

Очень часто в одной комнате жило, по сути дела, две семьи или больше, как сельди в бочках. У нас было две комнаты на две семьи, и чтобы пройти в заднюю комнату, нужно было пройти через комнату соседей. Это называлось «проходная комната». Я помню свое детство, своих ребят: я не помню никого, у кого была отдельная квартира, как здесь. Все

жили в больших коммунальных квартирах. У меня была подруга, ее отец был профессор медицины; они жили в одной комнате. Он приходил, ему надо было заниматься, диссертацию писать — в уголочке стоял его стол, комната была большая. Он сердился и просил, чтобы мы говорили шепотом; мы ему мешали заниматься.

Мы друг о друге заботились, помогали, как могли. Материально я ничем не могла помочь. Я не переживала, что у меня нет платья, нет одежды. Моя помощь заключалась в том, что я после школы занималась с ребятами, которым не давалась учеба, в основном математикой. Все отстающие любили списывать. Я решу дома задачки, прихожу в школу. Отстающие меня уже ждут, и записывают ответы в свою тетрадку. Когда идет контрольная работа, мы считали своим долгом написать ответы и тихонечко передать. Мы старались, чтобы все ребята получили хорошие оценки, особенно на экзаменах и на контрольных работах. Шпаргалки были везде. А здесь ученики не дают списывать никому.

Война

Когда началась война, мне исполнилось 15 лет. Я окончила только семь классов, а сестра — 4. У нас было предчувствие, что будет война. Детишки в 6—7 классе изучали военное дело. Мы учились, как надевать противогаз, как заряжать винтовку, но, в основном, мы маршировали. Нас учили строиться, стоять по стойке «смирно»; мы играли. Никто не думал, что война так быстро начнется.

Был летний день. Мы с ребятами, моими одноклассниками, поехали за город. Мы там купались на озере, загорали, веселились; нас было человек шесть или семь девочек и мальчиков. Озеро было в лесу далеко. Когда мы вышли из леса, нас удивило, что все люди толпами собирались, что-то говорили и слушали радио, громкоговоритель. Тут-то мы и услышали с ребятами, что началась вой-

на. Мы сразу же сели на поезд и поехали по домам.

В первые же дни город изменился. Все время нас заставляли прятаться в бомбоубежище. На второй или третий день в небе появились дирижабли. Военных много появилось на улицах. Что делать, мы не знали. Люди сразу почувствовали, что надо запастись продуктами; стали в магазины бегать, закупать еду. Почти в первые же дни начались обстрелы. Я сама видела, как падают снаряды. Привыкли мы к этому делу, бегали в бомбоубежище. Радио говорило: «Внимание, граждане! Воздушная тревога! Просим спуститься в бомбоубежище». Помещение было подготовлено, и мы прятались там. Потом был отбой воздушной тревоги. Мы выходили. Потом объявили, что предлагают маленьких детей без родителей эвакуировать. Очень советуют вывезти детей. Моей сестре было лет 12 в то время. Мы с мамой посоветовались и решили, что надо ее эвакуировать. Ее с другими детьми увезли в сторону Пскова. Сказали, что там она будет в безопасности. А потом мы слышим, что и с той стороны стали бомбить, и моя

мама переживала: «Что я наделала? Зачем я ребенка туда отправила?» Она со своей подругой, у которой тоже была там девочка, поехала за детьми. Ехали с большим трудом, под бомбежками; часть пути шли пешком. В конце концов, нашли пункт, где дети были собраны, и мама привезла сестру обратно.

В августе немцы подошли к Ленинграду. Началась эвакуация семей с детьми. Потом объявили, что это последняя возможность эвакуироваться. В список на эвакуацию было трудно попасть. Мама была очень энергичная. У нее был очень хороший знакомый из «правительственных кругов», и она достала пропуск на последний поезд через него. С собой разрешили взять только 16 килограммов вещей и продуктов на троих.

Так началась эвакуация. Это была трудная и сложная дорога. Ехали мы в тот город, где когда-то родилась я, — в Иркутск. Дорога заняла почти два месяца. Ехали в товарных вагонах. Немцы уже перерезали дорогу между Москвой и Ленинградом. Мы выехали 20 августа, а через день дорогу в Ленинград перерезали; и город оказался окруженный.

Я видела по дороге очень много измученных солдат и людей, которые бежали с захваченных территорий. Такие были мои впечатления детства.

По дороге были бомбежки и обстрелы. Мы прятались в оврагах у железной дороги. Уже еды не было; кто-то что-то давал; меняли кольца и сережки на хлеб. Приехали очень голодные и холодные. Виши были. Однажды я отстала от поезда: бегала за кипятком, а поезд уехал. Мне какие-то люди помогли, на машине довели до этого поезда.

Поселились мы в Иркутске. Мамины родные ютились в маленькой комнатке, сперва мы жили с ними. Потом нам в Иркутске дали комнату в бараке, мы его топили углем с утра до ночи, чтоб тепло было. Мы тяжело жили в Иркутске. Это очень холодный город, температура доходила до 50 градусов мороза. Теплой одежды особо не было, поэтому нам было очень трудно. Но люди в Сибири очень хорошие. В Иркутске не было никакого антисемитизма; никакого притеснения мы не чувствовали. Наоборот, люди помогали, давали нам одежду. Мама не могла меня учить, потому что

Озеро Байкал

не было ни одежды, ни вещей, ни продуктов. Мую маленькую сестру она в школу определила, а мне сказала: «Ты не мечтай пойти в школу. Нам надо выжить». Она пошла работать чернорабочей на какой-то склад. Я очень хотела учиться, но вместо этого пошла работать с мамой. Мы таскали рулоны бумаги. Потом мама устроилась в столовую по большому благу. Мы вместе с мамой мыли котлы и полы. За это мама получала зарплату, и еще нам давали по бидончику того, что называлось похлебка: вода кипяченая, мука черная. Очередь за этой похлебкой была большая. Поскольку мы с мамой работали, нам давали без очереди. Иногда за деньги давали лишний котелок.

Однажды мама увидела объявление недалеко от нашего дома о приеме в финансово-экономический техникум на налоговый факультет. Я подумала, что уже учебный год кончается, что же я пойду; они уже проучились всю зиму. Мама говорит: «Мы эвакуированные; тебя должны взять». Мы пошли вместе. Директор-женщина, Галина Петровна, тоже была из Ленинграда. Я сказала, что буду учиться день и ночь и все догоню, и меня взяли на первый курс, хоть он уже кончался. В техникуме мне давали небольшую стипендию.

Курс мне показался легким. Преподаватели были не очень сильные, студенты тоже. Учились девочки, мальчиков всех забрали в армию. Я очень быстро все догнала и стала получать пятерки через месяц. При этом я работала, маме полы помогала мыть, почту разносить бегала, кому-то понянчить ребенка. Даже моя сестра старалась подработать. А когда началась весна, то всех отправляли на сельхозработы. Меня и маму направили в колхоз. Сестренка в 12 лет осталась одна; мама ей муку оставила, картошку. Мне было 15 лет, но норму я должна

была выполнить — прополоть пять соток. А если норму не исполнишь, то хлеба не давали. Мне трудно было; я не привыкла к этой работе. Мне помогали подружки.

Я приехала на несколько дней в отпуск, вижу — сестра моя с голоду подыхает. Я взяла ее с собой, будем вместе норму выполнять. Вот так мы прожили.

Я кончила техникум в 17 лет за два года. После техникума мне можно было поступать в институт. Я не хотела поступать в финансовый институт; я хотела быть учительницей литературы и русского языка, и еще истории, но мне сказали: «Раз ты кончила финансовый техникум, значит, больше тебе никуда нельзя». Так я пошла в Иркутский финансовый институт. По ночам я работала в госпитале (первый год добровольцем), а днем или в институт шла, или занималась дома.

Еще во время войны я полгода была учительницей в школе в деревне; мне было лет 17—18. Осенью и летом всех студентов из института посылали в колхоз на сельскохозяйственные работы. Начался первый курс, и нас отправили. Мы начали прополку травы на гряд-

ках; участки были большие. Каждый работник (студент) должен был за день прополоть пять гектаров; это большой участок. Сперва пололи, потом сено косили и сгребали в стога. Потом картошка началась. Выкапывали картошку; все это вручную, руками, даже перчаток не было. И вот копали, носили, тяжело было. Мешки были по 16 килограмм. А потом начался учебный год в школе, а в этой деревне не было учителя. Председатель колхоза пришел к нам и спросил: «Кто хочет быть учителем? Освобожу от работы». Я первая согласилась — вместо того, чтобы в поле мерзнуть, картошку собирать. Вот колхозная школа, детей там было немного. Первая смена — первый класс и третий класс в одной комнате. А во вторую смену был второй и четвертый класс. И я одновременно учила два разных класса.

Потом я стала проситься в армию добровольцем. Мы все, и девочки, и мальчики — все хотели идти воевать против немцев. Мальчиков, которым 18 лет исполнилось, сразу забирали. Девчонок брали на курсы медсестер. Когда мне исполнилось 17 лет, я прибавила

немножко свой возраст в документах, и пошла в военкомат. Меня взяли. Четыре месяца были военно-медицинские кур-

Зоя, 1944

сы. Нас учили повязки делать, переломы лечить, но главным образом обучали военной профессии: ползать по-пластунски, стрелять из винтовки и пулемета, разбирать

оружие, противогазы надевать, азбуке Морзе. Пока я была на этих курсах, я не бросала институт. Отдежурив ночь в госпитале, утром бежала в институт. Я как бы заочно училась: сама читала материал и сдавала зачеты. А потом, когда кончила медкурсы, меня направили в госпиталь там же в Иркутске. Раненых привозили с запада. Я в этом госпитале год отработала. Мне присвоили звание «старший сержант медицинской службы». Для меня это была тяжелая работа: надо было перевязки делать, уколы. Я не могла это делать, и я попросилась у начальства быть просто уборщицей или санитаркой. Так я стала мыть, убирать.

Два раза я на самолете летала на

фронт. Там собирали тяжело раненых, которым надо было операцию делать, и привозили в Иркутск. На поездах привозили, а особенно тяжелых на маленьких американских самолетиках. Там не было даже скамеек. Мы сидели на полу с ранеными, помогали им.

Наступил 45-ый год, конец войны. В госпитале, где я работала, были раненые, больные, на костылях, безногие, слепые; ты не представляешь, какие все были патриоты. Когда мы узнали про победу, они от радости кидали сверху костыли, всех целовали, обнимали. Откуда-то водка появилась. Это был такой большой праздник для нас! Моя мама в жизни не брала в рот никакого спиртного. Она сказала заранее: «Если кончится война, я напьюсь пьяная». И действительно, я домой прибежала; она принесла «маленькую» водку — выпивали за победу! Это был большой, большой праздник! Вот и вся моя военная история».

После войны

Когда кончилась война, Зоя Григорьевна демобилизовалась и перевелась в Ленинград. Там она училась и жила в студенческом общежитии при университете в комнате с четырьмя другими девочками. Мама с сестрой вернулись в город только через год, потому что в Ленинград не пускали всех сразу после войны.

Вернувшись, семья не смогла добиться возвращения своей старой комнаты в коммунальной квартире. Во время войны ее заняли и отдавать уже не хотели.

Зоя в институте, 1946

Дело дошло до суда, но ничем на раз-решилось. Зоя считает, что судья была подкуплена дворником, который и занял их комнату. А семье Зои дали комнатку в шесть квадратных метров.

Любимая профессия

В 47-ом году Зоя Григорьевна закончила финансовый институт и пошла работать в банк кредитным инспектором. Она должна была выдавать ссуды в миллионном размере разным предприятиям и заводам. Сначала она очень волновалась, но потом освоилась. Зарплата была хорошая, но работа ей не нравилась. Она с детства мечтала быть преподавателем: «Я попала в первый класс к очень хорошей учительнице. Мою первую учительницу звали Александра Николаевна Иконникова. Я до сих пор помню ее. Мне очень нравилось, как она работает с ребятами. Это заложило во мне любовь, и я чуть ли не с первого класса мечтала быть учителем, хоть в

старших классах, хоть в младших, любой предмет.» Еще будучи в финансовом институте Зоя Григорьевна дополнительно закончила педагогический факультет. Через несколько месяцев после начала работы в банке освободилось место преподавателя в институте, и Зоя Григорьевна перешла в Ленинградский финансово-экономический институт, где она читала экономику. Она также преподавала в Ленинградском текстильном институте на факультете повышения квалификации для работников легкой промышленности: «Я была счастлива всю жизнь, что я работала преподавателем, хотя учителя гроши в институте получали. Мне нравилось объяснять людям, приносить пользу».

Муж и семья

Зоя Григорьевна была знакома со своим мужем с детства. Рувим Львович Офенгейм был старше Зои на 4 года.

Они жили в одном доме и учились в одной школе, а их мамы дружили. В 1940 году после окончания десятилетки Рувима забрали в армию. Он выбрал летное направление и был направлен в летную школу в Крыму. Через год началась война, и он сразу попал на фронт, закончив ускоренные курсы. Он воевал всю войну летчиком, был участником многих боев и свидетелем гибели многих своих товарищей. Зоя Григорьевна говорит, что из его большого класса только двое мальчиков вернулись с фронта. Рувиму повезло остаться в живых. Он демобилизовался только в 1947-ом году и вернулся в Ленинград.

Зоя и Рувим поженились через месяц после его возвращения, 22 августа, на его день рождения. Рувим хотел продолжать летать, но Зое это не нравилось, она боялась, что он может разбиться. Учиться на другую профессию у него не получилось, потому что нужно было работать, чтобы содержать семью и старую маму, поэтому Рувим устроился механиком в строительном-монтажном управлении на строительство бумажных фабрик и заводов по обработке леса.

У Зои Григорьевны и Рувима Львовича было два сына. К несчастью, старший сын умер от рака восемь лет назад в России. Он был главным инженером по подъемно-транспортному оборудованию в Санкт-Петербурге; они строили мосты и дороги. Его дочке, внучке Зои Григорьевны, 38 лет. Она вышла замуж и осталась жить в Германии. Зоя Григорьевна это замужество не одобряет: «Несмотря на то, что сейчас такое время, я считаю, что неприятно быть с

Зоя и Рувим, 1945

немцами в родстве».

Младший сын живет в Бостоне и работает программистом. В Ленинграде он закончил Технологический институт, но в Америке не смог найти работу по

профессии, поэтому переквалифицировался на инженера. Его дочка в этом году кончила университет и работает на рекрутинговую компанию, а сын занимается исследованиями в области нейрохирургии.

Зоя Григорьевна помнит, как в 50-ые годы начался массовый антисемитизм во всех областях науки и культуры: «Евреев увольняли с работы. Молодых евреев в институты не принимали, иногда даже не брали документы на поступление. Я видела, как моих самых лучших преподавателей, профессоров, талантливых людей увольняли под всяким предлогом. Разгорелся антисемитизм, и мы ничего не могли сделать». Старший сын Зои Григорьевны был круглым отличником в школе и хотел поступать в университет на математический факультет. Но все ему говорили, что его все равно «засыпят» и

советовали поступать в институт второго разряда, чтобы поступить наверняка и не попасть в армию. Это был 1965 год. Он поступил в Институт водного транспорта с первого раза и закончил его на отлично.

Младший сын Леонид с десяти или двенадцати лет еще в школе чувствовал свое неравенство. В 12 лет он начал изучать еврейскую историю и ходить в синагогу. Его прозвали сионистом. Он вступил в один из «кружков» по изучению иврита вместе со своим приятелем. А когда ему исполнилось 16 лет, они подали заявление на отъезд в Израиль и получили разрешение. Его друга Вову Прицкера родители сразу же отпустили, и он один уехал в Израиль в 75-ом году. У Вовы родители были в отказе; их уволили с работы, им не на что было жить, и их никуда не выпускали. Поэтому сын поехал один в 16 лет. Леонида два раза исключали из института за участие в сионистских кружках. В результате, ему пришлось перейти на вечернее отделение».

Эмиграция

После отъезда Вовы Прицкера Леонид просил разрешения у Зои Григорьевны тоже уехать, но она его не отпустила: «Он валялся у меня в ногах, чтобы я ему разрешила уехать. Я ему отказала. А потом закрыли на какой-то период выезд опять, и стали разрешать только в 88-м году». Зоя Григорьевна рассказывает, что не хотела эмигрировать в Израиль, но помогала отказникам: «Когда в Ленинграде я ходила к отказникам, меня представляли так: «Это Зоя Григорьевна, которая не хочет ехать в Израиль». Об Америке было ни слова среди этих патриотов сионизма, все хотели в Израиль. Мой первый муж умер; я в это время жила со вторым, но не была с ним зарегистрирована. Он уехал в Израиль в 74-ом году. Он тоже меня умолял, но я не поехала. Я боялась. У меня был маленький сын, мама больная, она не

хотела ехать. Поэтому меня так представляли в этом кругу. Я чем могла им помогала: доставала лекарства, помогала документы оформлять».

«Например, такой эпизод. Был парень уже закончивший институт, ему разрешили уехать, но при таком условии, что он должен был заплатить за всю свою учебу в институте. Это были колоссальные деньги. Он жил с мамой; у него таких денег не было. Мы все ходили по разным знакомым, собирали сейчас уже не вспомню, какую сумму на его отъезд. Мы собрали, и его выпустили. Он там в Израиле стал политическим деятелем».

Когда в 88-ом году опять началась эмиграция, сын Леня с женой Галей (его единомышленницей) и маленьким сыном Димой уехали в Израиль: «И вот они стали болеть этим Израилем. У них уже были там связи, они все готовились. Они были одни из первых. К этому времени и я уже была готова к их отъезду. Я боялась, что их за это в тюрьму посадят». Уже после отъезда из СССР Леня с женой передумали эмигрировать в Израиль и поехали в Вену ожидать вызова в Америку. Вызов прислал друг Леони-

да, который и посоветовал им не ехать в Израиль, а пытаться иммигрировать в США.

Зоя Григорьевна работала в своем институте на любимой работе и не хотела уходить. Кроме того, она не говорила на иврите, у нее на руках была больная мама, и она не хотела уезжать из России. Зоя решилась на эмиграцию в 1990 году. Причин было несколько: «Честно говоря, я не очень хотела уезжать, и никуда бы я не поехала. Но уехал мой младший

Зоя Григорьевна на работе

сын с женой и с ребенком. Он написал, что ребенка не с кем оставлять, он один, ему тяжело. Они просили меня приехать. У меня в это время умерла мама. В России я осталась одна по сути дела; хотя старший сын был. Но он был хо-

рошо устроен и не хотел ехать. В магазинах ничего не было: ни продуктов, ни вещей. Я иду с работы, хочу купить хоть немножко еды; деньги у меня были, но магазины пустые. Ну что за жизнь? Поэтому я тогда и решила — поеду! Ну, а главным образом, конечно, это чувство, что ничего нет; за свои деньги ничего нельзя купить. И еще у меня было несколько случаев проявления антисемитизма. В институте, на работе, среди студентов ничего такого не было, все было

хорошо, но на бытовом уровне я встречала просто ненависть. Вот, например, я стою в очереди за картошкой, женщина меня выталкивает и говорит: «Уезжай в свой Израиль. Незачем тебе стоять». Еще такой случай. Мне нарисовали на

дверях фашистский знак. Мои бывшие студенты звонят: «Зоя Григорьевна, опасно вам дома быть в этот день. Приходите к нам ночевать». Или звонят мне из деканата: «Мы Вас снимаем с расписания на такой-то день. Не приходите, потому что по слухам могут быть избиения или демонстрации». Да как же я — да не пойду? Я здесь прожила всю жизнь, чего же я буду бояться идти на свою лекцию? Я, конечно, пошла, ничего не было. Но вот такие моменты мне тяжело вспоминать. Я честно сказала в институте, что я уезжаю к сыну. До этого я на эту тему не говорила. Я в отказе не сидела».

Для Зои Григорьевны было тяжело расстаться с городом, со своими знакомыми, друзьями, со студентами. Особенно тяжело ей было расстаться с любимой работой. «Когда я сюда приехала, я поселилась в Нидаме, и там я чувствовала себя очень оторванной от жизни. Автобусы в субботу и воскресенье не ходили, и вечером не ходили. Я должна была там в деревне сидеть. Мне было тяжело, и меня потянуло в Ленинград обратно. Я старшему сыну написала: «Сходи к рек-

тору института и спроси, если я вернусь, возьмут ли меня на работу». Он мне написал, что ректор ответил так: «Если Зоя Григорьевна сегодня приедет, завтра мы ее включим в расписание». Так я думала: «Что я тут в деревне буду сидеть?»

Зоя Григорьевна на работе

Хотя тут все есть». Кроме работы, в Россию тянуло из-за родных. Ведь там остались сестра, работавшая зубным врачом, старший сын и внучка. Сын приезжал в гости в Америку, но эмигрировать не хотел.

«Мои внуки «заразились» религиозностью; ходят в синагогу каждую субботу. Они учились в еврейской школе, знают иврит. Но я их не критикую, молчу. Я

в своей длинной жизни не вижу, чтобы Бог кому-то помог; так чего молиться?»

Я один раз сходила в синагогу в HRC. А вообще я не хожу. За всю свою жизнь в России я в синагоге была два раза, когда мне надо было уезжать, собрать документы и справки. Когда я сюда приехала, мне захотелось увидеть помещения разных религий: синагога, русская церковь, католический собор, протестантские помещения, китайские, индийские. Я во все ходила, чтобы посмотреть, как ведутся разные богослужения.

Поскольку я специалист по экономике, я интересовалась экономикой, принципами построения частной коммерческой деятельности. Мне, честно говоря, такая экономика не очень нравилась; я воспитана на учении Маркса. Мне казалось, что Америка — страна, которая эксплуатирует рабочий класс, присваивает их прибавочную стоимость. В России были недостатки, но я не относила их к самой системе, а к очень нечестным людям, которые взяли власть в свои руки. Я, например, до сих пор считаю, что Ленин и Плеханов, которые были большие экономисты, старались не для

себя. Они хотели построить социализм в одной, отдельно взятой стране; я считаю, что это была ошибка. Они боролись за мировой социализм, хотели скинуть капиталистический строй во всех странах, но оказывается, ничего лучшего, чем капитализм, для экономики нет. Сейчас я согласна с тем, что социализм и, тем более, коммунизм для человечества — это нереально, это утопия. Человек настолько несовершенен, порядочности так мало, что пока это не получится. Может быть, когда сотни лет пройдут.

Мне понадобилось пожить немножко, какой-то набрать опыт, чтобы понять, что мне не нравилось в Америке. Мне не очень нравится система образования. Образование платное, дорогое. Платная медицина. В России и то, и другое было бесплатное. Образование очень долгое, не конкретное. Моя внучка четыре года училась и не знает, кем она будет. У нас студенты получали копеечную, но стипендию; дети из самых бедных семей могли учиться; не надо было платить. Я сама жила на стипендию. Трудно, но на хлеб, на воду хватало, можно было прожить. Так же и с врачами: плохая меди-

цина, но я всегда могла пойти к доктору и ни одну копейку не тратила. Еще мне не нравится, как в Америке оцениваются люди: этот хорошо получает, этот бедно живет... Заработать деньги, деньги, деньги. Деньги — это все. У нас в мою бытность не было такого.

Я осталась с русской культурой, хотя живу в Америке. Я знаю русскую литературу и художников, и театральную культуру, и поэзию. Я читаю русские книги и очень много смотрю телевизор на русском языке.

Я люблю сочинять стихи, когда есть настроение. Вот парочка из тех, что я сочинила:

Зоя Григорьевна с Давидом, 2015

Осень в Ньютоне

Прекрасна осень в Ньютоне,
На берегу реки.
Деревья разноцветные
И шорохи листвы.
Идешь дорожкой узкою,
Любуешься красой.
Природой нашей созданной
Как будто неземной.
Бредешь вот с этим «вокером»,
И думаешь о том,
Что жизнь не зря потрачена,
И вспомнишь о былом.
И было хорошее время,
И были лихие года,
Но все, что случилось,
случалось со мною,
Со мною уйдет навсегда.
Люблю я и позднюю осень;
Деревья без листьев стоят.
И словно нагие девицы
Смущенно так смотрят на нас.
Красавицы, вы не горюйте!
Дождитесь прихода весны!
Она вас оденет зеленым нарядом,
И будете вы хороши.
Спасибо Америке доброй!
Примите от всех нас поклон.
За то, что наш возраст осенний
Согрела весенним теплом.

Я не люблю тебя, моя Россия,
Я честно говорю, что не люблю.
Забрав отца, украла мое детство,
И юность исковеркала мою.
Мне б в восемнадцать с мальчиком
встретаться,
Любимой быть, самой любить.
Но я должна была над раненым
склоняться,
И утки, судна выносить.
Мне б в восемнадцать по полям, лугам
носиться,
Весенний аромат цветов вдыхать.
А я должна была в палате тесной
И гноем, кровью и мочой дышать.
Ну что ж? Была война. Мы, Родина,
тебя любили,
И жизни не жалели, чтоб тебя спасти.
И в смертный бой шли рядом русские,
татары и евреи
Сражались рядом, погибали рядом.
Не спрашивая наций, возраста,
наград,
Погибших в братскую могилу
опускали.
Назвав одним лишь именем —
Советской Армии солдат.

Ну что ж? Была война. Но, Родина, ты
нас не оценила,
На классы, группы разделила,
Вот нам, евреям, бирки прилепила,
Людьми другого сорта назвала.
И это вам нельзя, и это невозможно,
А то совсем запрещено.
И не ходите, не просите —
Такое указание сверху нам дано.
Я не люблю тебя, моя Россия,
Я честно говорю, что не люблю.
Но верю, что изменишься уже
в другое время
И будешь справедливей и добрей.
Тогда вернусь к тебе в другое время
И назову любимой Родиной моей.

For more information about the Experiential Learning Practicum, please visit these websites
<http://www.brandeis.edu/bgi/>
and <http://www.brandeis.edu/departments/grall/russian/>
or contact us at bgi@brandeis.edu and grall@brandeis.edu (for Russian Studies)

